

Григорий Тарасевич

ПЕРЕД ВХОДОМ В ЗАЛ, ГДЕ ПРОХОДИЛ большой правозащитный съезд, стоял пожилой человек с седой бородкой, сутулясь под тяжестью дорожной сумки странного покроя. Если бы не табличка, приколотая у него на груди, я бы никогда не предположил, что передо мной легендарный диссидент Александр Гинзбург, который не давал покоя советскому режиму в течение трёх десятилетий.

Интервью получилось слишком коротким, а вопросы не слишком удачными. Но больше времени не было. И уже не будет.

— Скажите, вы чувствуете себя частью российского правозащитного движения?

— Относительно. Хотя иногда об этом пишу. А на этот съезд меня пригласили в качестве экспоната.

— А частью западного общества вы себя чувствуете?

— Тоже не очень сильно. Хотя я — западный пенсионер.

— Опыт лагерей как-то сказался на вашем образе жизни?

— Безусловно. Например, я не знал, что делать с таким обедом, какой мне сегодня предложили (съезд проходил в дорогой московской гостинице, и её участников кормили жульенами и прочими разносолами. — Г.Т.). В итоге я выбрал котлеты с пюре и с удовольствием их съел. Конечно, я живу во Франции, но мало изменяю своим привычкам.

— Вы часто бываете в России?

— Довольно часто. Примерно раз в пару месяцев. Я приезжаю в общем-то домой. У меня там нет ностальгии, и здесь она тоже не просыпается. Я к этому отношусь как к данности.

— Мне кажется естественным, что люди, борющиеся с режимом, после его падения как минимум получают славу и почёт. Вы не ощущаете себя обделённым?

— Что вы! Я получил уйму славы. Представляете, моё имя попало в школьные учебники истории. Если вы назовёте много таких людей, я удивлюсь. Представляете, за то, что девятиклассник меня не знает, он может получить двойку...

КОНЕЦ ПЯТИДЕСЯТЫХ ПРИНЯТО СЧИТАТЬ оттепелью. Но свобода имела чёткие границы, расписанные начальством. Молодому Алику Гинзбургу было в этих границах тесно. И он решил их чуть-чуть раздвинуть. А именно — сделать собственный неподцензурный журнал.

Название позаимствовали у Чехова, в одном из рассказов которого фигурировал пёс по кличке Синтаксис. Гинзбургу и его приятелям показалось, что для литературного издания такое название вполне подходит.

Авторский состав был неслабый: Иосиф Бродский, Булат Окуджава, Белла

Ахмадулина, Евгений Рейн, Генрих Сапгир...

"Читательский отклик" не заставил себя долго ждать. За дело взялся главный литературный критик страны под названием КГБ. Но властям, очевидно, было лень превращать издание поэтического журнала в акт антисоветской пропаганды.

шаг на свободу

Сорок дней со дня смерти Александра Гинзбурга

ды. Чтобы разобраться с Гинзбургом, нашли другой способ.

Кто-то из свидетелей ляпнул, что однажды Аликовец взялся помочь своему приятелю сдать экстерном экзамены на аттестат зрелости — сдал вместо него математику и сочинение. Проверить это было просто: в Москве было только две школы, где сдавали экстерном. В одной обнаружили документы с фотографией Гинзбурга, но с другой фамилией. "Мошеничество", "подделка документов" — Гинзбург получил первый свой срок, два года...

ТЮРЬМА И ЛАГЕРЬ ОСТУЖАЛИ МНОГИХ, но не Гинзбурга. После суда над Синявским и Даниэлем он собрал все материалы о процессе и выпустил знаменитую "Белую книгу". Распечатав её, отправился в приёмную КГБ на Кузнецком Мосту. Там Аликовец торжественно положил увесистый том на стол и сказал примерно следующее: "Вы знаете меня, вы знаете это судебное дело. Я сделал эту книгу и заинтересован в том, чтобы вы Синяв-

ского и Даниэля выпустили. Иначе я должен буду всё это опубликовать".

Выдавшие виды сотрудники КГБ испытывали лёгкий шок. Потом Гинзбурга принялись пугать. Мол, и кирпич случайно на голову может свалиться... Попугав — отпустили. Кирпич, к счастью, не свалился, но вскоре Аликовец получил очередной срок.

ка тараканов, облюбовавших аппарат в качестве жилища. Разобравшись с непрошеными гостями, Гинзбург быстро "усовершенствовал" аппарат, превратив его в своего рода диктофон, на который было записано звуковое письмо на волю. Плёнку с записью намотали на спичку и тайными каналами переправили на Запад. Вскоре по мировому радиэфиру разнеслось: "Здравствуйтесь, дорогие друзья. Наш микрофон — в политическом лагере №17. Наша литературная передача из цикла "Поэзия народов СССР" посвящена..."

21 МАЯ 1978 ГОДА В АМЕРИКАНСКОЙ прессе появилось сенсационное сообщение: ФБР арестовало двух советских граждан, работавших в секретариате ООН. Рудольф Черняев и Вальдик Энгер работали на советскую разведку и ухитрились добыть немало сверхсекретных сведений о военно-морских проектах США. Суд вынес приговор: каждому — по 50 лет тюрьмы. В Москве решили, что разведчиков хорошо бы обменять...

В это время Александр Гинзбург отбывал свой третий срок. Рассчитывать на апелляцию или амнистию было бесполезно. Но эмигрировавший к тому моменту Солженицын решил, что раз советские адвокаты ничем помочь не могут, почему бы не воспользоваться услугами американских защитников.

Александр Исаевич любил размах и обратился к одному из самых известных адвокатов США, способному открывать ногой двери кабинетов Белого дома. Вопрос об освобождении Гинзбурга переместился на высший политический уровень, и Аликовец вместе с ещё четырьмя политзеками прямо из лагеря был доставлен в Нью-Йорк.

ОН НЕ ОСТАЛСЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ДО-стопримечательностью эпохи Хрущёва и Брежнева, а продолжал портить жизнь российской власти. Даже когда она отбросила коммунистическую риторику. Пару лет назад он вместе с представителями французской интеллигенции (типа Жан Люка Годара) организовал в Париже массовую демонстрацию против войны в Чечне — в день приезда Путина.

ГИНЗБУРГ УМЕР. ДЛЯ МНОГИХ ЭТО удачный повод вспомнить его, чтобы потом благополучно забыть. Уж больно неудобен он был, оставаясь диссидентом в оттепель и в заморозки, в России и во Франции, при Хрущёве и при Путине. Многим хотелось бы похоронить его не только в земле парижского кладбища, но и в пыльном томе учебника истории. "Управляемой демократии" не нужны такие, как Гинзбург.

Фото из архива П. Реддуэя предоставлено Музеем и общественным центром им. Д. Сахарова

ОСТАВАТЬСЯ СВОБОДНЫМ ЧЕЛОВЕКОМ в советском обществе было очень трудно. Ещё труднее это было делать на зоне.

Кто-то из лагерного начальства попросил Гинзбурга починить магнитофон. Причиной поломки оказалась стай-